

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

ГЕРМЕНЕВТИКО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ В ЗЕРКАЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ (часть III: «интерпретация»)

Au lieu d'être une
discipline de savoir, la traductologie
est une discipline de reflexion

J.-R. Ladmiral

Переводчик — всегда интерпретатор... но «интерпретировать» — не значит «переводить»... Мысль моя сводится к тому, что где-то всё же таятся критерии, регулирующие интерпретацию.

Умберто Эко

В статье в свете трансдисциплинарного подхода исследуются специфические герменевтико-феноменологические аспекты транслатологической интерпретации в рамках четырёхступенчатого «Герменевтико-переводческого методологического стандарта», включающего стадии предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения и отличающегося от философско-герменевтической практики толкования одноязычных текстов, заключающейся в взаимопересечении и взаимозаменяемости двух видов рефлексии — понимания и интерпретации. Постулируется, что переводчик — всегда интерпретатор, но интерпретация ещё не есть перевод. Она верифицируется как предпоследний этап преодоления переводчиком иноязычного когнитивно-культурного, этнопсихолингвистического и системно-структурного своеобразия оригинала и выбора стратегии «форенизации/доместикации» перевыражения авторского текста, перебора вариантов функционально-закономерных переводческих соответствий и путей преодоления «непереводимого». Акцентируется внимание на постулате об обязательных границах и пределах переводческой интерпретации и о бережном отношении переводчика к первоисточнику. Переводчик — не соавтор, а только интерпретатор авторского произведения.

Ключевые слова: герменевтико-переводческий методологический стандарт; предпонимание; понимание; интерпретация, предел интерпретации; переводческое решение; подстрочник; трансдисциплинарный подход.

1. В первой части настоящего исследования мы лапидарно обозначили некоторые аспекты подведения под «герменевтическую парадигму перевода (ГПП)» так называемого философского «герменевтического методологического стандарта (ГМС)», который модернизирован нами в интересах теории и методологии перевода в виде «герменевтико-переводческого методологического стандарта

(ГПМС)». Во второй части комплексного исследования четырёх-ступенчатого ГПМС, включающего «предпонимание», «понимание», «интерпретацию» и «переводческое решение», были рассмотрены первые две стадии работы переводчика – собственно «предпонимание» и «понимание», обеспечивающие гармоничную трансдисциплинарную кооперацию различных социально-гуманитарных наук с теорией и практикой межъязыкового посредничества [см.: Мишуров, 2015, № 2: 17–37; 2017, № 4: 21–57].

В данном разделе приводим развёрнутое описание одной из важнейших стадий переводческого процесса – стадии «интерпретации» – *герменевтической души перевода*. Четверть века назад Ж.-Р. Ладмирал констатировал: «Идея перевода, начисто лишённого понятия интерпретации, абсолютно фантастична», и переводчикам это прекрасно известно, поскольку в своей работе <...> им всё время приходится решать, принадлежит ли самый минимальный элемент информации... языку автора или языку-источнику, которым этот автор пользуется». Более того, было бы пустой затеей воображать себе, что «идентификация, определение, фиксация того, что можно назвать смыслом текста может осуществиться как-то иначе, нежели посредством герменевтики» [Ladmiral, 1994: 63].

Проблема тем не менее заключается в другом повороте темы – роли и места интерпретации в переводческом процессе в целом. В XX в. неоднократно предпринимались попытки системно обрисовать контуры переводческого процесса и обозначить его начальные, промежуточные и завершающие этапы, допуская при этом немотивированное сдвигание их границ, соединение и отождествление принципов их идентификации по целям, задачам и функциям в рамках искомой профессионально-феноменологической редукции. Поль Рикёр (1913–2005) афористично упрощает суть вопроса до формулы «понимать – это и значит переводить» [Ricoeur, 2004: 50–51]. А П.М. Топер констатирует, что «каждый перевод – это интерпретация» [Топер, 1998: 182]. Ему фактически вторит Гадамер (1900–2002): «...всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1988: 447–449]. Если для одноязычных видов творческой деятельности аналитический процесс работы с текстом по этой двухступенчатой фазе завершается, то для переводческого процесса работа с текстом на стадии «понимания – интерпретации» не завершается. Поэтому мы отдаём предпочтение в трактовке текста формуле В. Айрапетяна, гласящей, что «Понимание – ещё не толкование», «Перевод – ещё не толкование» [Айрапетян, 2011: 132].

Как известно, в качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х годов XX в. успешно применяются герменевтические модели/

парадигмы, во многом, тем не менее, базирующиеся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода памятников прошлой античной культуры на язык современной культуры в духе лучших традиций эпохи Возрождения и в их последующих хронотопных модификациях.

В отечественном переводоведении после длительного запрета на «буржуазную герменевтику» стали появляться первые ростки «герменевтической рефлексии» в трактовке актуальных проблем теории и методологии перевода.

В духе современных модификаций переводоведческих течений мы разрабатываем ГПМС, который представляет собой концептуально-методологическую и рефлексивно-процедурную базу ГПП, идентифицируемую нами как эпистемо-синергетическую, креативно-концептуальную целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач. Иначе говоря, ГПМС выстраивается как герменевтико-методологический конструкт аутентичной трансдисциплинарной переводческой деятельности.

К общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу функциональной дополнительной дискурсивную соборность философо-/филолого-герменевтических, лингвокультурологических, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода – перепорождения, перелagания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на уровнях контентно-смысловом, когнитивно-прагматическом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультуремном, поэтико-аллегорическом, системно-структурном, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров².

² Заметим, что само словосочетание «герменевтическая парадигма» исторически устойчиво реализуется в контекстах различных социально-гуманитарных наук, а также в переводоведении. Так, в *богословии* находим выражение «либеральная/консервативная герменевтическая парадигма» [см.: Арапов, 2017: 2], “The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology” [см.: Хюн-Сук Ким, 20: 1]; в *юриспруденции* – «Герменевтика как парадигма / Герменевтическая парадигма» [см.: Яркова, 2012: 3, 106]; наконец в *переводоведении* – «Перевод в герменевтической парадигме» [см.: Самохина, 2012: 1], “Translation Hermeneutics. Hermeneutics as a Research Paradigm” [см.: Cercel, 2017: 17] и т.п. К сожалению, ряд учёных многозначительно оснащают заголовки своих работ «модными терминами», забывая даже упомянуть последние в тексте своих «штудий». Так, к примеру А.Н. Усачева § 5 в главе 2 озаглавила, как «Когнитивная парадигма перевода». При этом «парадигма» как термин в тексте больше не упоминается [Подготовка переводчика, 2014: 51–56].

В условиях всё нарастающего «переводческого инакомыслия» время от времени возникает потребность в порождении синтезирующе-синергетических парадигм на базе накопленного за определённый период развития науки знания в трансдисциплинарном, кооперативно-упорядочивающем плане как залог дальнейших успехов в диалектико-методологическом и структурном развитии теории и практики перевода. Как тонко подметил Ж.-Р. Ладмираль, “*Au lieu d’être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion*” [Ladmiral, 2012: 21], т.е. будучи «дисциплиной знания», современное переводоведение приобретает статус «дисциплины рефлексии». В данном контексте становится вполне очевидной неубедительность и контрпродуктивность тезиса И.А. Зимней, гласящего, что «перевод рассматривается как речевая, а не мыслительная деятельность... потому, что эта деятельность выполняет не когнитивную, познавательную, а только коммуникативную функцию» [Зимняя, 2001: 132].

Согласно М. Хайдеггеру (1889–1976), «язык есть – дом бытия», обеспечивающий повседневную человеческую деятельность «здесь и сейчас». А перевод есть неотъемлемая архиважная культурно-наследственная лингвопосредническая часть бытия *Homo loquens* (человека говорящего) и *Homo ludens* (человека играющего) не только в хронотопе «здесь и сейчас», но и «там и тогда», т.е. «везде и всегда», «где и когда» межплеменная, межэтническая бытовая и межкультурная коммуникация стала насущной потребностью людей. Воистину “*Tantum scimus – quantum traducimus!*” (лат. «Столько знаем – сколько переводим!»).

Весьма показательно, что философы то недоумённо, то раздражительно, но в конечном итоге достаточно серьёзно и глубокомысленно относятся к феномену перевода как своеобразному объекту и предмету феноменологической рефлексии, выходящей за рамки традиционной философско-герменевтической парадигмы.

Тем не менее отношения между философией и наукой о переводе сложились крайне неоднозначно и противоречиво. В критическом плане обострилось внимание к проблемам переводимости/непереводимости, истинности и качества переводов, соотношения оригинала и перевода, ролевых игр членов триады «автор (текст) – переводчик – читатель», создания «единого концептуального языка» философии и др.

Известно, что при переводе определённое «ущемление» оригинала неизбежно, так как, пишет Гадамер, «там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведённого на другом языке». И, уточняя свою мысль, добавляет, что «всякий перевод, всерьёз

относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала», а «требование верности оригиналу, которое мы предъявляем переводу, не снимает принципиального различия между языками» [Гадамер, 1988: 447].

Высказывания Гадамера о сущности и трудностях перевода в определённой части вполне логичны и здравы, хотя в значительной мере они излишне категоричны и бесповоротно устаревшие. Философ пишет: «Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключённое в предложении, невозможно передать путём простой замены его членов, соответствующими членами другого языка». Профессиональные переводчики подобный способ оставили далеко в прошлом. Поэтому его резкое резюме в настоящее время звучит неоправданно жёстко: «...переведённые книги представляют собой обычно настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух». И далее: «Переведённое предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаём замечать стоящее за ним живое предложение оригинала, всё равно что карта в сравнении с ландшафтом» [Гадамер, 1991: 59].

С другой стороны, Е.Н. Шульга, констатируя, что «особую роль в развитии теории понимания следует отнести переводчикам текстов», с глубоким пиететом отзывается о переводоведческой концепции академика Н.И. Конрада, характеризуя его деятельность на переводческом поприще как образцового интерпретатора: «Например, первооткрыватель японской литературы для русского читателя Н.И. Конрад был не только переводчиком (японского и китайского языков), но и интерпретатором — адекватный перевод для него был выражением понимания текста на его глубинном уровне <...> согласно Конраду, для осуществления хорошего перевода необходимо «ощущение» эпохи и её продуктов, которые переводчик сопереживает при изучении текста <...> строгий исторический анализ отдельных кругов культуры может привести к установлению знака относительного равенства между двумя какими-нибудь явлениями каждого круга». Далее Шульга замечает, что, «следуя методам Конрада, переводчику-интерпретатору необходимо учитывать и личность автора оригинала, в особенности, если автор был «носителем» культуры — человеком, впитавшим в себя традиции и усвоившим прошлый опыт своего народа. Обязанность интерпретатора заключается также в том, чтобы оживить эти традиции и донести их до читателя в форме, созвучной нашему времени, не допуская, однако, никакого искажения смысла и никакой нарочитой модернизации» [Шульга, 2008: 251].

Итак, резюмируем: на третьей стадии проводим трансдисциплинарно упорядоченную контентно-смысловую *интерпретацию* под-

линника, используя позитивный опыт различных модельных, подчас концептуально разрозненных по своей идеологии стратегий и тактик перевода разных текстотипов и их жанров с целью оптимальной упорядоченности разноречивых переводческо-рефлексивных процедур на базе стратегии и тактики герменевтико-феноменологической редукции.

2. Интерпретация – один из важнейших аспектов методологических процедур в переводческом процессе. Разногласия по «интерпретации интерпретации» в философской и переводоведческой среде явно зашкаливает и переходит все мыслимые и немыслимые границы.

Разделяя позицию П. Рикёра в том отношении, что он «ясно видит и герменевтический, и общефилософский смысл проблемы перевода», Н.С. Автономова отмечает, что «в наши дни нередко говорят: оригинал – это фантом, призрак. Однако, это множество трансмиссий и рецептов <...> не только не отменяет, но, напротив, обостряет вопрос о подлиннике, о способах его интерпретации и преобразования в процессах переистолкования». И далее: «Я ставлю перевод во главу угла и рассматриваю интерпретацию, с одной стороны, и диалог, с другой, как то, что зависит от перевода как фундамента и условия возможности познания в гуманитарной области в целом (не только в дисциплинах филологического цикла) <...> Конкретно анализируя работу перевода, мы видим, что понимание и интерпретация, например, неизбежно вступают в действие при обсуждении переводческих эквивалентов и их выборе, при сопоставлении существующих вариантов, при анализе тех «остатков», которые не входят в данный перевод. Во всех этих случаях интерпретация и различные её механизмы играют свою роль по полной программе» [Автономова, 2010: 114–121].

Известно, что проблема перевода философских штудий на различные языки мира поставила перед философами непростую задачу – осмысление этого феномена как крайне специфического предмета исследования, кардинально выходящего из привычных рамок философской рефлексии одноязычных текстов.

Так, Гадамер считал, что перевод есть «предельный случай, удваивающий сам герменевтический процесс», а «ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора». Особенностью данного вида интерпретирования является то, что текст перевода как результат интерпретации предстаёт перед читателем «в новом свете, в свете другого языка». Этим осложняется проблема верности оригиналу, которая характерна для любого истолкования, «как и всякое истолкование, перевод означает переосвещение (Überhellung), попытку представить нечто в новом свете. Тот, кто переводит,

вынужден взять на себя выполнение этой задачи. Он не может оставить в своём переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [Гадамер, 1988: 449].

Очевидно, что не всякое философское толкование интерпретации приемлемо для переводческой рефлексии и далее для принятия решения на перевыражение оригинала на ЯП.

В переводческой герменевтике в отличие, к примеру, от постмодернизма, переводчик ориентируется на фигуру автора, на собственно авторский текст, который сам по себе трактуется как уникальный, неповторимый в своём роде феномен, а не как некая абстрактная, широко интертекстуальная структура, сотворённая автором из различных стилей письма и некогда уже использованных речений, цитат и т.п. Естественно тогда возникает вопрос о причинах такого явления, как *плюральность переводов* одного и того же произведения/текста. Рассуждения философов, касающихся, как правило, интерпретации одноязычных текстов, сводятся, как правило, к тому, что «само существование бесчисленных интерпретаций любого текста свидетельствует о том, что чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла». Считается, что «интерпретатор в принципе не может быть верен источнику, ибо этот последний в самом процессе интерпретации меняет смысл». Подведя итог вышеуказанным деструктивистским постулатам, американский философ, представитель Йельской школы Поль де Ман (1919–1983) пишет, что в них идея интерпретации подменяется понятием «экспериментация» на основании тезиса об абсолютной независимости интерпретации от текста и текста от интерпретации» [см.: Новейший философский словарь. Постмодернизм, 2007: 182–183].

Суть переводческой интерпретации заключается, по нашему мнению, в том, что вопреки Р. Барту, конкретный переводчик «не устраняет автора оригинала», но наделяет последний «окончательным значением <...> замыкает письмо». Барт считал, что, «если автор найден», то тем самым закрывается сама возможность «плюрального истолкования текстовой семантики», и что «если автор найден, значит, текст *объяснён*, критик одержал победу» и «один лишь критик <...> как палач исполняет приговор» [там, же: 630]. Но такова участь данного переводчика – быть «палачом» искомого текста. Известно, что разные переводчики не могут одинаково перевести один и тот же текст по всем хорошо известным причинам, а потому каждый новый переводчик – «палач», ибо он является новым интерпретатором одного и того же текста.

Квинтэссенция работы переводчика с оригиналом на стадии интерпретации заключается в попытке верифицировать её как предпоследний «черновой этап» преодоления переводчиком иноязычной заградительной когнитивно-культурной «самости» подлинника, осмыслить на ЯП его контекст, подтекст и затекст.

В любом случае считаем абсолютно неприемлемыми «интерпретативные игры» в переводе, базирующиеся на постулате отказа подлиннику в существовании в нем авторской смысловой доминанты.

В этой связи следует отметить, что появившиеся в последние десятилетия многочисленные работы, претендующие на статус инновационных моделей / парадигм перевода, в конечном итоге, оказываются по своей природе некими отголосками интерпретативно-герменевтических спекулятивных построений.

Ещё Ю.А. Сорокин в своей обзорно-проблемной статье «Интерпретативная или деятельностная теория перевода?» сравнивает концептуально-методологическую идеологию герменевтических трудов А.Н. Крюкова, в частности, его работу «Методологическая рефлексия как вид познавательной деятельности» (1988 г.) и две работы за 1997 г. – соответственно книгу Н.Л. Галеевой – одной из воспитанниц филолого-герменевтической школы Г.И. Богина (1929–2001) – «Основы деятельностной теории перевода» и книгу И.Э. Ключанова «Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование», констатировал, что несмотря на «достаточно большой временной разрыв <...> все они посвящены рассмотрению онтологических представлений... лежащих в основе и отечественных и зарубежных теорий перевода», заметив при этом, что «деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая/интерпретативная теория» [Сорокин, 2000: 1, 3].

Как известно, в нашей стране в результате гонения в советские времена на герменевтику как философское учение у некоторых учёных сложилось мнение, что поскольку «понятие Г. [герменевтика] теперь мало употребительно и перекрывается более широким понятием *интерпретация*», <...> последняя понимается как «истолкование, объяснение, разъяснение» [БСЭ, 1971, т. 6: 420], что представлялось ряду исследователей вполне самодостаточным и эпистемологически конечным. К счастью, очередной пророк «гибели герменевтики» канул в научное небытие.

Утверждение У. Эко, что «переводчик – всегда интерпретатор <...> но “интерпретировать” – не значит “переводить”» [Эко, 2007: 270], справедливо воспринимается в данном контексте как непререкаемая аксиома. Проблема заключается в том, что: интерпретация в переводческом процессе не есть последняя когнитивно-герменевтическая стадия в перевыражении ИТ в ПТ. Иначе говоря,

переводческая рефлексия не начинается и не завершается как основная переводческая операция этапом интерпретации, что существенно отличает её от философско-герменевтической интерпретации одноязычного текста и места языка в человеческом бытии.

Таким образом, естественно встаёт вопрос о пределах переводческой интерпретации и её задачах. Следует констатировать, что «романтическое» время понимания герменевтики исключительно как «теории интерпретации» (ср.: “‘hermeneutics’ means the theory of interpretation, i.e. the theory of achieving an understanding of texts, utterances, and so on” [Forster, 2007: 1–2]) в XX в. закончилось. Любопытной в этом в отношении является позиция американского философа Р. Брендома, который, комментируя известное высказывание Витгенштейна о том, что «не интерпретации как таковые определяют значение», считает, что «интерпретации становятся необходимыми только в исключительных случаях, когда речь идёт о переводе на другой язык (sic!), или когда коммуникативная ситуация порождает непонимание. В противном случае, если мы продолжаем настаивать на том, что смысловое содержание того или иного языкового выражения <...> зависит от интерпретации, мы придём к бесконечному регрессу: поскольку понимание любого высказывания требует интерпретации, то любая интерпретация нуждается, в свою очередь, в интерпретации» [см.: Войниканис, 2003: 345].

В XX в. произошёл «лингвистический поворот» в философской герменевтике и ряде смежных социально-гуманитарных наук. А «герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода – одно из его неизбежных следствий [см.: Мишкоров, 2013, 2014].

3. В силу специфики предмета исследования «переводческая интерпретация» носит *трандисциплинарный полифункциональный синергетический характер*. Она вбирает в свой «методологический кейс» свойства и черты философской, филологической (литературоведческой) лингвистической, психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической, лингвостилистической, когнитивно-прагматической и прочих разновидностей интерпретации.

Герменевтико-парадигматические рамки переводческой интерпретации достаточно широки, чтобы оптимально решать одну из сложнейших дисциплинарных задач – адекватного перевода текста иноязычного инокультурного социума на родной язык и наоборот.

В.З. Демьянков в своей программной статье «Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики» отметил, что границы между её лингвистическими разновидностями – синтаксической, морфологической, семантической и прагматической, с одной сто-

роны, и филологической (литературной), с другой, «к началу 20 в. ...вновь стали размываться... Историки языка, стремящиеся к объективному объяснению фактов, под влиянием Фосслера, Кроче и др., постепенно перестают воспринимать “субъективность” интерпретации как помеху познанию». А к концу 20 в., пишет автор, «в филологии выработалось направление – **интерпретационизм**, (синонимы: **интерпретирующий подход**, **интерпретивизм**), основной тезис которого: “Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме”. <...> Обратной стороной этого интерпретативного поворота (*interpretive turn*) стал интерес к межличностной коммуникации в науках о человеке».

Подводя итоги анализу сущности филологического интерпретационизма, автор поднимает уровень своего исследования до критики проблемы – «интерпретация как объект философии языка». Он, в частности, констатирует следующее:

– интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий. Как и при анализе когнитивной деятельности, можно говорить о субъекте, объектах, процедуре, целях, результатах, материале и инструментах интерпретации;

– интерпретация является триединством: одновременно *процессом* (обладающим объектами и результатами), *результатом* и *установкой* (презумпцией интерпретируемости объекта). Результат бывает воспринимаемым внешне – в виде воспроизведения, пересказа, перевода, реминисценции и т.п. – или исключительно внутренним – как *понимание*;

– значения не образуют отдельного царства, а появляются только в результате удачной интерпретации.

В конкретном акте интерпретации различаются:

– межличностность: истолкования навязываются автором речи, а также связями между различными интерпретаторами;

– интенциональность, намерения (регулирующие ход интерпретации): а) автора речи, более или менее адекватно распознаваемые; б) самого интерпретатора, сказывающиеся на глубине и завершённости интерпретации; то, как соотносятся намерения интерпретатора с его гипотезами о намерениях автора речи, зависит от личности интерпретатора, на одном полюсе – те, кто легко принимают в качестве законных все возможные намерения автора речи, а на другом – те, кто воспринимают чужую речь сверхкритично и остранным. Эмпатия состоит в принятии презумпций автора, которые интерпретатор реконструирует на свой страх и риск, основываясь на своих знаниях; то есть, интерпретатор смотрит на вещи “чужим

ми глазами” и готов узаконить любые намерения в чужой речи, приняв намерения автора как аксиому» [2017: 1–12].

Однако, по нашему мнению, постулат В.З. Демьянкова, гласящий, что «Взаимодействие различных видов интерпретации даёт **понимание** – внутренне реализованную “удачную интерпретацию”, не обязательно проявленную внешне, для других людей. *Понимание* – оценка результата интерпретации или её хода, воплощённая по-разному в зависимости от личностных характеристик интерпретатора» [1994: 12–13], более применим для экзегезы или двухступенчатой философской редукции некоего одноязычного текста и нерелевантен для билингвальной переводческой интерпретации и перевыражения ИТ в ПТ.

Полагаем также полезным прислушаться к мнению известного учёного-библейста и переводоведа А.М. Камчатнова, которых предостерегает об опасности для транслатологии позиции Демьянкова, полагающего, что «текст не обладает значением сам по себе, а значения привносятся в тексты говорящими и слушающими, а интерпретация скорее состоит в создании значения». При такой «субъективистской, импрессионистской концепции смысла», – пишет он, – «интерпретация представляет собой процедуру приписывания смысла знаку; понятно, что это приписывание не ставит никаких границ фантазии толкователя и вопрос о том, почему истолкование является таким, а не иным, насколько приемлема такая интерпретация, не говоря уж о её достоверности или истинности, не может быть даже поставлен <...> Только при объективной концепции смысла вопрос об истинности или достоверности интерпретации и о критериях достоверности встаёт с логической необходимостью» [Камчатнов, 1998: 67].

С данной точкой зрения на роль интерпретации в переводе перекликается мнение Н.В. Иванова, который подчёркивает, что «целью перевода интерпретация быть не может <...> Интерпретация в переводе не свободна, то есть имеет границы, и не может приводить к переосмыслению (т.е. искажению смысла. – Э.М.) текста <...> интерпретация в переводе в своём вариативном аспекте ограничена *языковой формой текста*, т.е. семантикой и грамматикой предметных обозначений. Риторика и поэтика текста не могут быть объектом переводческой интерпретации, не подлежат изменению. Интерпретатор не может изменить сказанного, но может переосмыслить (изменить, расширить, усилить, ослабить, исказить и пр.) его толкования <...> Переводчик не может изменить заложенное автором... понимание текста, но следуя авторскому смысловому заданию, он может изменить объект, – «исправить порядок обозначения» [Иванов, 2015: 48, 59]. Соглашаясь также с критикой

Н.В. Иванова тех учёных, которые допускают «недифференцированную трактовку интерпретационной природы перевода», вместе с тем считаем устаревшим, исторически спорным его утверждение о том, что интерпретация – «основа, исходный пункт понимания в переводе» [Иванов, 2015: 48, 50]. Таковым является, в частности, как мы установили, феномен предпонимания [Мишкурлов, 2017, № 4: 21–57].

В идеале, по выражению Э. Бетти, смысл должен «не вноситься», а «выноситься» из текста [Интерпретация (методология), 2017: 2–3]. Это одно из главных требований к «репродуктивной интерпретации», которая на основе корректного понимания текста является важнейшим этапом к принятию переводческого решения.

4. В отличие от специфических процедур одноязычного понимания и интерпретации оригинала, при осуществлении которых последовательность операций смыслопорождающей рефлексии исторически всё время менялась местами: «понимание → интерпретация» или «интерпретация → понимание», а верхом единения данных понятий стало их «самопоглощение», т.е. «понимание – это и есть интерпретация» и наоборот, в переводческом процессе в ходе межъязыкового посредничества в сфере межкультурной коммуникации перевыражение оригинала с ИЯ на ЯП представляет собой не двухступенчатую (или более того – одно-одноступенчатую) матрицу, а, как минимум, четырёхступенчатый герменевтический конструкт, в котором интерпретация равноположена относительно предпонимания, понимания и принимаемого переводческого решения.

В переводческой рефлексии, в реальной работе эти стадии не отделены «китайской стеной» друг от друга – они взаимосвязаны, взаимопроницаемы, диалектически взаимозависимы и взаимодополняемые. В установлении же стадийных границ и внутривидового упорядочения в методологическом стандарте ГПП последовательная аналитическая градация рефлексивных процедур является константной герменевтико-феноменологической операцией.

Интерпретация в транслатологии – это особый вид деятельности переводчика по выбору стратегии движения переводческой рефлексии «от автора к читателю / от читателя к автору», или в других терминах – по выбору стратегии «форенизация» / «доместикация». Вместе с тем он осуществляет перебор вариантов перевода функционально-закономерных соответствий, ищет пути преодоления «непереводимого» доступными способами переложения, порождает исходно “черновой” вариант текста, который будет служить основой для принятия окончательного переводческого решения.

Не исключено, что в ходе интерпретации у переводчика происходит сложение инвариантного рабочего «промежуточного иноязыка», рефлексивно-интуитивно настраиваемого переводчиком на формирование первичных вариантов образа будущего итогового ЯП, отчуждаемого для реципиента.

Интерпретация – это эффективный способ преодоления переводческого когнитивного диссонанса с автором оригинала. Для данного переводчика подлинник представляет собой законченную замкнутую структуру, иначе он не сможет работать с текстом с неограниченными смысло-контентными рамками, преодолеть плюральность смыслов первоисточника и определиться с инвариантом переводческого решения из-за реальной множественности способов и средств их перевыражения на ПЯ. Иначе говоря, переводчик в конечном счёте из множества фреймовых вариантов перевода останавливается на некой *оптимальной последовательности “транслатоэм”* – системы искомых единиц перевода, адекватно передающих когнитивно-коммуникативный контент оригинального текста. В ней переводчик фундаментально осмысливает на всех трансдисциплинарно доступных уровнях предпонимания и понимания «авторский шедевр», и этот текстовый континуум принимается для дальнейшей работы, как минимум, в виде личного адекватного *подстрочника*.

Проблема идентификации подстрочника имеет давнюю историю в отечественном и зарубежном переводоведении.

Известно, что А.С. Пушкин отрицательно относился к переводу «буквальному, приводящему к насилию над родным языком», а в статье о Шатобриановском переводе «Потерянного рая» Мильтона он категорически возражал против практики «подстрочного перевода», отдавая предпочтение «смысловой верности и сохранению своеобразия оригинала». Он писал: «Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами». И, сравнивая русский и французский языки по мощности арсенала выразительных средств, он патетически восклицает: «Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к переложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно

в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, всё вместе и изысканного и простодушного, тёмного, запутанного, выразительного, своенравного, и смелого даже до бессмыслия?» [Пушкин, т. 12, 1996: 143–144].

В этой связи заметим, сколь парадоксально выглядит попытка В.В. Набокова подстрочно перевести «Евгения Онегина» Пушкина на английский язык. Болезненно реагируя на критику его опыта подстрочного перевода, он писал: «Подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками остаётся для меня навсегда единственно возможным инструментом». Известно, что этот перевод он издал с тремя томами тщательных, детальных комментариев. Набоков настаивал: «Замученный автор и обманутый читатель — таков неминуемый результат перевода, претендующего на художественность. Единственная цель и оправдание перевода — возможно более точная передача информации, достичь же этого можно только в подстрочнике, снабжённом примечаниями» [см.: Носик, 1995: 120].

Но наступает момент истины, и Набоков-переводчик ищет для себя иной выход из сложившейся ситуации, констатируя, что «Мой «Евгений Онегин» далёк от идеального подстрочного перевода <...> Пожалуй, я целиком переведу его утилитарной прозой на ещё более ухабистый английский, возведя раздражающие заграждения из квадратных скобок и отверженных слов, чтобы стереть последние следы буржуазного стихоплетства и уступок размеру» [Набоков, 2017а: 1]. И наконец: «Я, однако, не смог достичь идеального подстрочного соответствия. В иных случаях, чтобы перевод не утратил смысла, приходилось держаться определённых синтаксических норм, ведущих к изменениям в строе и расположении английского предложения» [Набоков, 2017б: 2].

Иная роль подстрочнику отводилась в советской художественно-просветительской литературе. В январе 1940 г. Президиум Союза писателей утверждает Постановление бюро национальных комиссий СП СССР «Об упорядочении дела художественных переводов с языков народов СССР»: «Для переводчика необходимо знание языка переводимых им произведений... Так как подготовка кадров, владеющих языками... потребует известного (и немалого) времени, а потребность советского читателя в художественных переводах с языков народов СССР должна удовлетворяться безотлагательно, может допускаться как временная мера практика художественного перевода путём *предварительного подстрочного перевода с оригинала* (курсив наш. — Э.М.)...».

И вот, к примеру, Анне Ахматовой по нищете и приходилось «уходить в перевод» с якутского языка [«Дружба народов», 1953 г., кн. 3]:

А там, в электростанции колхозной,
Парнишка у рубильника стоит
И твёрдую рукою мрак морозный
Светящимися брызгами кропит...

В этой связи приведём мнение отечественного поэта, эссеиста Г.М. Кружкова, который в своём интервью о творчестве О. Мандельштама, в частности, заявил: «В начале 30-х годов как раз началась великая кампания по переводу литературы всех народов СССР на русский. Помните: “И, может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И прямо мне в душу проник” (О. Мандельштам)? Это занятие стало отхожим промыслом людей, относившихся к переводу как к халтуре. Между прочим, сам Мандельштам изрядно потрудился на ниве перевода прозы. Это была настоящая каторга: общий объём им переведённого значительно превышает объём всего написанного в прозе и в стихах. Стихи Мандельштам переводил редко. Но всё-таки кое-что он перевёл. Например, из Петрарки: “Как соловей сиротствующий славит / Своих пернатых близких ночью синей / И деревенское молчанье плавит / По-над холмами или в котловине...” Так что не только Жуковский и Толстой создавали шедевры перевода» [Кружков, 2007: 2].

В заключение приведём иронично-шутливое стихотворение М.Г. Гаспарова и его сына, посвящённое феномену подстрочника [см.: Автономова, 2009: 320].

Я подстрочник,
Я прозрачник —
Между словом и делом.
Между человеком и человеком.
Я довесок к порции нужного.
Ложка мёда в дёгте или дёгтя в меду,
Муть в стекле,
Шум в слухе.
Чем меньше меня, тем лучше.
Я посредник —
Чтобы кто-то понял другого,
Чтобы кто-то понял сам себя.
Поэт, подстрочник, переводчик, читатель,
А читатель, может быть, сам поэт, —
И сначала, и по кругу:
Мир играет в испорченный телефон.
Не хочу быть порчею — быть собою.
Это вроде кровообращения:
Если жила самоутверждается —
Это спазм, и человек умирает.

Не нужно, чтобы меня чувствовали,
Я подстрочник —
Переводом пусть будет кто-нибудь другой.

Обратим внимание на строку «Поэт, подстрочник, переводчик, читатель», которая является смысло-ключевой в данном стихотворении, где Гаспаров иносказательно осуждает массовидную практику псевдопереводов на русский язык художественных произведений поэтов и писателей — носителей миноритарных малоизвестных языков.

Подстрочник — явление полифункциональное: используется там и тогда, где и когда он уместен. Специалисту следует к нему прибегать тогда, когда он используется в так называемом «филолого-историческом переводе». В этой связи В.Н. Комиссаров (1924—2005) в одной из последних своих работ «Оппозиция “буквальный” и “свободный (вольный)” перевод в современном переводоведении» писал: «...примером использования буквального перевода может служить составление *подстрочника* (курсив наш. — Э.М.) для последующего полноценного художественного перевода поэтом или писателем, не владеющим языком оригинала. Хотя подобный двухступенчатый перевод в принципе может считаться нежелательным и вынужденным, он достаточно часто встречается в практике художественного перевода. И его успех во многом зависит от того, насколько подробно в подстрочнике отражены особенности не только содержания, но и формы оригинала» [Комиссаров, 2005: 11].

Квинтэссенция настоящей статьи заключается в попытке верифицировать предпереводческий этап работы переводчика как стадию индивидуального объективно-субъективного восприятия, осмысления, толкования и порождения «вторичного» — по отношению к оригиналу — текста «для себя», который служит ему в качестве базы для перевыражения оригинала в окончательный «третичный» текст-квазитранслят для потребителя-реципиента. Примером «вторичного» текста может служить в ряде случаев искомый «подстрочник», который затем трансформируется в «переводной шедевр» определённой национальной литературы.

Подстрочный перевод широко применяется в науке для работы с историческими документами, поскольку для учёных прежде всего важна точность и не так важен стиль.

Примером подобного подстрочника может служить перевод Корана академиком И.Ю. Крачковского. Об этом переводе Е.А. Резван писал следующее: «...по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И.Ю. Крачковского превосходит не только русские, но многие европейские переводы» [Резван, 2001: 20].

Своеобразную идею о сущности подстрочника применительно к сакральным книгам высказал В. Беньямин: «Там, где текст напрямую, без смыслового опосредования, во всей своей дословности принадлежит истинному языку, истине или догме, он переводим как таковой – уже не ради себя самого, но исключительно ради языков. От перевода требуется настолько безграничное доверие к этому тексту, что совершенно так же, как язык сливается с откровением в оригинале, дословность и свобода перевода должны безо всяких усилий соединиться в форме подстрочника. Ибо в какой-то степени все великие тексты – а превыше всех священные – содержат между строк свой потенциальный перевод. Подстрочник Священного Писания есть прообраз или идеал любого перевода» [Беньямин, 2018: 6–7].

Наконец, прислушаемся к мнению А.К. Нурпеисова – представителя одного из малых народов, поэзия которых переводилась на русский язык с помощью подстрочника: «Как известно, на заре отечественного лингвонаправленного переводоведения в последнем важное место занимала теория функциональных соответствий языков... В стратегиях художественного перевода такая тенденция обосновывалась приоритетной ролью *подстрочника*. С преодолением информативной роли художественного перевода менялись взгляды на функциональные роли подстрочника». Он сочувственно цитирует мнение известного российского литературоведа и переводчика, профессора А.В. Карельского о подстрочнике как о «сугубо вынужденной процедуре»: «...в чужом языке, как в русском, слово не только тоже многозначно по своей внутренней, имманентной форме, но и нагружено многозначительными окказиональными, дополнительными смыслами, создаваемыми контекстом данного произведения, шире – контекстом творчества поэта, ещё шире – контекстом данной национальной культуры. Всякий подстрочник – это уже ограничение смысла, уже определённый выбор из нескольких возможных». Нурпеисов глубоко убеждён, что «адекватный перевод художественного текста без знания языка оригинала, если и возможен, то крайне затруднителен, но лучше вообще не браться за перевод без возможности свободно прочитать, понять и прочувствовать переводимый текст. Подстрочник может быть лишь вспомогательным инструментом в процессе перевода, а не единственным источником для создания в каком-то смысле нового произведения, каковым, безусловно, является хорошо выполненный перевод <...> Понимаю, что здесь мне могут возразить. Кайсына Кулиева, скажем, переводили Н. Гребнев, Н. Коржавин, Я. Козловский, С. Липкин, Н. Тихонов и др. и делали это великолепно. Расула Гамзатова даже в самом Дагестане знают

больше по переводам тех же плюс В. Звягинцевой, Е. Николаевской и В. Снеговой, и эти переводы — прекрасные стихи <...> Наверное... переводчики были в постоянном контакте с авторами, долго обсуждали с ними переводимые произведения, слушали в авторском исполнении сами тексты, потому и сумели передать точно и образы, и те лирические ноты, на которых построено стихотворение. А к адекватности в остальном они и не стремились, видимо, понимая, что это почти или даже совсем невозможно» [Нурпеисов, 1988: 383—385].

Очевидно, что от подстрочника не следует ждать более того, что он может дать и в филолого-историческом переводе, и в художественном переводе с малоизученного языка. При этом вполне вероятно, что при всех раскладах *pro et contra* исключено, что подстрочник как особый переводческий феномен будет бесповоротно забыт и элиминирован из сферы теоретико-методологической практики перевода, так как он — один из наиболее консервативных (в хорошем смысле слова) видов когнитивно-герменевтической работы с иноязычными текстотипами и их жанрами во все времена межъязыкового посредничества.

А в нашем случае мы ведём речь исключительно о лично-переводческом подстрочнике, который в дальнейшем может служить основой для интерпретативного выбора конечного варианта из множества вариантов «чернового перевода». Именно он становится основой для окончательного переводческого решения по ПТ.

5. В своей деятельности переводчикам следует не забывать о феномене «парадоксов и пределов интерпретации», как об этом напоминает У. Эко. Он призывает учёных к разумному самоограничению в свободе прочтения анализируемого текста, в процессе которого «воля интерпретатора согласно метафорическому выражению Рорти «обтёсывает текст в своих целях». Свой постулат он трактует следующим образом: «Если верно, что понятие буквального смысла проблематично, все равно нельзя отрицать, что для исследования всех возможностей текста, в том числе и тех, которые не предусматривались автором, интерпретатор должен прежде всего отталкиваться от значения нулевой степени — того, которое можно найти в самом глупом и примитивном словаре, того, которое закреплено в языке на данный исторический момент, того, которое ни один из членов данного языкового сообщества в здравом уме не станет подвергать сомнению. Любое предложение может быть интерпретировано метафорически: даже утверждение «Джон ест яблоко каждое утро» может быть истолковано как «Джон повторяет грех Адама каждый день». Но, чтобы согласиться с такой интерпретацией, всякий должен признать, что яблоко значит такой-то фрукт,

что Адам считается первым человеком и что, согласно нашему знанию Библии, Адам съел запретный плод» [Эко, 2017: 3–4].

На современном этапе разработки ГПМС считаем возможным принять в качестве «герменевтических указателей» пределов интерпретации следующие переводческие модели:

– известную пятиуровневую модель переводческой эквивалентности В.Н. Комиссарова, которая в последней редакции включает в себя цели коммуникации, описание ситуации, способы описания ситуации, структуры высказывания и лексико-семантические соответствия³;

– пятиуровневую модель Н.В. Иванова, включающую в себя следующие базовые разделы: структурно-языковой, культурный, семиотический, смысловой (когнитивный), коммуникативно-прагматический [Иванов, 2017: 20].

Несоблюдение на практике базовых принципов нередко ведёт к забавным смысловым казусам. Так, например, весьма комично выглядит слоган в рекламе одной русскоязычной компании, гласящий: «В нашей компании *ленивые* только *вареники*».

В толковом словаре русского языка читаем: «**Ленивый** – 1. Склонный к лени, к праздности, избегающий труда; 2. Медлительный, неторопливый (о движении, походке и т.п.); 3. Приготовленный более быстрым способом (о кушаньях). Ленивые голубцы, вареники <...> ленивые щи» [Словарь русского языка, 1982: 174]. Очевидно, что в слогане неудачно обыгрываются 1 и 3-е значения. Но если для первого и второго значений в английском языке без труда находятся прямые ПС (ср.: *lazy person / lazy bootes / lazy bones; unhurried movements* и т.д.), то с «ассоциативным подвохом» 3-го значения составители «Нового большого русского-английского словаря» явно попадают впросак. К примеру, они убеждают пользователей словарём, что «ленивые голубцы» – это “*lazy cook’s goloubtsi*”, букв. «голубцы ленивого повара», сопроводив в скобках свой «перевод» дефиницией реалии [Ермолович, Красавина, 2006: 377].

В указанных примерах нарушается «правило Потемни», разделяющее «ближайшее значение» и «дальнейшее значение»: «...ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее у каждого различное по качеству и количеству элементов лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредничестве народного понимания, т.е. языка и средств, создание коих условлено существованием языка. Таким

³ Сводную аналитико-репрезентативную таблицу уровней интерпретации, описанных в трудах Г. Егера, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, В.Г. Гака с авторскими комментариями находим в книге Н.К. Гарбовского «Теория перевода» [Гарбовский, 2004: 297–302].

образом, область языкознания народно-субъективна. Она сопрягается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально субъективной мысли, с другой – с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» [Потебня, 1973: 218].

Возвращаясь к вышеприведённым примерам, некорректно истолкованными составителями, отметим, что ими не был осмыслен диапазон значений от «народного» до «научного» – терминологического.

Гёте учил, что при «переводе надо добираться до непереводаемого», чтобы не попасть, добавим от себя, в «когнитивную ловушку» межъязыковой асимметрии, сопоставляемых при переводе концептов ИТ и ЯП.

Переводя с английского языка на русский прилагательное английское *brave* в соответствующих словосочетаниях, следует интерпретативно чётко осознавать допуски их нормативной, исторически обусловленной текстовой сочетаемости. Если *brave* словарно переводится в русскоязычных синонимических рядах как «храбрый, смелый, отважный, доблестный, бравый», то интерпретатор должен чутко улавливать устоявшуюся фразеологическую норму их сочетаемости в русском ЯП: например, адекватно использовать устойчивые словосочетания типа «не из храброго десятка», «погиб смертью храбрых», «смелого пуля боится», «смелого штык не берет», «отважный поступок», «бравый молодец», «бравый солдат Швейк» и соответственно в обратном переводе: “Good Soldier Schweik”, соответственно “jaunty air brave” – «бравый вид», “dashing rider” – «лихой отважный наездник», “gallant little tailor” – «храбрый портняжка», “gallant Aramis” – «доблестный Арамис», “brave new world” – по одной версии «дивный новый мир», а по другой переводческой версии «отважный новый мир», см., напр.: англ.: Aldous Huxley “Brave new world” (1932).

Между тем, такие полные функционально-закономерные соответствия, несмотря на разнородность их «физиологической основы», не вызывают интерпретационных затруднений, ср.: рус. «наизусть» и его разноязычные переводческие соответствия: *англ.* *by heart*, *фр.* *par cœur*, *араб.* *عن ظهر قلب* (буквально «через спинку сердца»); иные соматические признаки, ср.: *нем.* *aus dem Kopf* (буквально «из головы»); *итал.* *a memoria* (буквально «по памяти») и т.п. Аналогичную картину мы наблюдаем при переводе на различные языки выражения «с глаза на глаз» и др.

Все упомянутые средства дискурсивно равноположены и коммуникативно эквивалентны. Они зафиксированы в переводных

словарях как функционально равноценные, не требующие специальной герменевтической интерпретации.

Таким образом, метод установления закономерных соответствий в различных языках работоспособен, пока переводчики остаются в зоне «прямой переводимости» и верности оригиналу. В условиях же «непереводимости», требующей особого истолкования смыслов ИТ для перехода на стадию результирующего «переводческого решения», будет крайне востребован герменевтико-интерпретационный аппарат, незаменимый никакими другими способами и приёмами переложения ИТ на язык ПТ.

* * *

В заключение отметим, что пафос нашего исследования заключается в констатации следующих кардинальных положений о сущности, целях и задачах переводческой интерпретации:

– переводчик – всегда интерпретатор, но интерпретация ещё не есть перевод;

– интерпретация системно не отделена, а, более того, трансдисциплинарно тесно связана процедурами и результатами предпонимания и понимания авторского текста и последовательно реализуется на их основе;

– не всякое философско-герменевтическое толкование интерпретации приемлемо для межъязыковой переводческой рефлексии, поскольку конечная философско-текстовая редукция, отождествляющая процессы понимания и интерпретации, не отвечает реальным поэтапным потребностям переводческого процесса – последний интерпретацией не завершается;

– интерпретация верифицируется как предпоследний этап преодоления переводчиком иноязычной когнитивно-культурной «самости» подлинника (нередко в виде лично окрашенного подстрочника) и выбора стратегии «форенизации/доместикации» перевыражения авторского текста, перебора вариантов закономерных переводческих соответствий и поиска путей преодоления «непереводимого», оптимального варианта перевыражения последнего в качестве основы для принятия окончательного «переводческого решения», реализуемого в виде «третьего текста», отчуждаемого реципиенту;

– следует строго следовать постулату об обязательных границах и пределах «интерпретационных горизонтов» переводчика: он должен не привносить и не присваивать оригиналу свою иную «постмодернистскую» версию толкования оригинала, а глубже, лучше и

точнее автора раскрыть и отразить в переводе явные и потаённые смыслы подлинника, так как переводчик – не соавтор, а интерпретатор последнего.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Интерпретация и перевод – современные проблемы эпистемологии / *Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной:* сб. ст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 112–121.
- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. Российская академия наук, Институт философии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с.
- Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с. (Российские Пропилеи).
- Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 672 с.
- Арапов А.В.* Две парадигмы в протестантской библейской герменевтике. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (25.03.17). 5 с.
- Беньямин В.* Задачи переводчика. – URL: <http://kassandriion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (07.01.18) 9 с.
- Войниканис Е.А.* Проблема сознания в философии позднего Витгенштейна и современное правовое мышление / *Философия сознания: история и современность: Материалы науч. конф., посвящённой памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова (1948–2001).* М.: Современные тетради, 2003. С. 339–352.
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Герменевтика / БСЭ 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 420.
- Демьянков В.З.* Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. – URL: <http://www.infolex.ru/Interpret.html> (28.06.17) 12 с.
- «Дружба народов». Первые полвека (1939–1989) Пролог. – URL: <http://xn--80aabggdk2dkbof7a.com/druzhiba-narodov> (27.12.2016) С. 1–3.
- Ермолович Д.И., Красавина Т.М.* Новый большой русско-английский словарь / Под общим руководством Д.И. Ермоловича. 2-е изд. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 1098 с.
- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода.* 2015. №. 4. С. 34–64.
- Иванов Н.В.* Пять аспектов природы перевода // *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода.* 2017. №. 2. С. 20–48.

- Интерпретация (методология) – URL: <https://ru.wikipedia.org/> (26.07.2017). С. 1–6.
- Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии. М.: Наука, 1998. 223 с.
- Комиссаров В.Н.* Опозиция «буквальный» и «свободный (вольный)» перевод в современном переводоведении // Тетради переводчика. Вып. 25. М.: МГЛУ, 2005. С. 7–19.
- Мишуков Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69–91; № 2. С. 3–40; № 3. С. 3–29; 2014. № 1. С. 14–29; № 3. С. 24–46.
- Мишуков Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I, II) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 17–37; 2017. № 4. С. 21–57.
- Набоков В.В.* Ответ моим критикам – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/otvet-moim-kritikam.htm> (20.12.17a). 9 с.
- Набоков В.В.* Комментарий к роману «Евгений Онегин» – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/predislovie.htm> (20.12.17b). 3 с.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
- Носик Б.М.* Мир и Дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995. 133 с.
- Нурпеисов А.* Долг: Роман. Эссе. М.: Известия, 1988. 496 с.
- Потебня А.А.* Психология поэтического и прозаического мышления / Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высш. шк., 1973. 502 с.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. 588 с., с ил.
- Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 601 с.
- Самохина И.А.* Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 167 с.
- Сорокин Ю.А.* Интерпретативная или деятельностная теория перевода. – URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html (21.06.13).
- Топер П.* Перевод и литература: Творческая личность переводчика // Вопросы литературы, ноябрь–декабрь. М., 1998. С. 178–199.
- Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография. 3-е изд. стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 304 с.
- Шульга Е.Н.* Понимания и интерпретация. М.: Наука, 2008. 318 с.
- Эко У.* Неограниченный семиозис и пределы интерпретации. – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1006462/15/Usmanova_-_Umberto_Eko_paradoksy_interpretacii.html 2017. 4 с.
- Эко Умберто.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. и примеч. А. Миролубовой. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.

- Яркова Е.Н.* История и методология юридической науки. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 352 с.
- Forster Michael N.* The Revolution in Philosophy of Language, Hermeneutics, Translation Theory, and Linguistics at the End of the Eighteenth Century and the Beginning of the Nineteenth available at: http://edebiyat.istanbul.edu.tr/?p=35817&upm_export=print
- Forster Michael N.* Hermeneutics. Available at: <http://philosophy.uchicago.edu/faculty/files/forster/HERM.pdf>
- Ladmiral J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Gallimard, 1994.
- Ladmiral J.-R.* Traduire Éléments de traduction philosophique available at: http://www.persee.fr/doc/AsPDF/lfr_0023-8368_1981_num_51_1_5095.pdf (Juli 26.17). P. 19–34.
- Hyun-Sook Kim* The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00344080701657873?journalCode=urea20> (Februar 13.17). P. 2.
- John Benjamin.* Handbook of translation studies. Volume 1. Edited by Yves Gambier, Luc van Doorslaer. Available at: <https://books.google.ru/books?id=BTwzAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=true> (Februar 14.17). P. 458.
- Gyde Hansen.* The Empirical Science Paradigm and the Liberal Arts Paradigm in Translation Studies. available at: http://www.est-translationstudies.org/resources/research_issues/081229%5B3%5D.ESP%20and%20LAP%20in%20TS.GY.htm (Februar 14.17) P. 2.
- Transforming the Language: Translation as Exile And Hermeneutic Dialogue. available at: <http://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-07222005-140446/unrestricted/MAThesis.pdf> (Februar 14.17). P. 36.
- Cercel L., Serban A.* Friedrich Schleiermacher and the question of translation. U available at: <https://books.google.ru/books?id=eSyCCgAAQBAJ&pg=PT6&hl=ru&source=2#v=onepage&q&f=true> (Februar 13.17). P. 273.
- Ricoeur P.* Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris, Bayard, 2004. 68 p.
- Ricoeur's* Extended Hermeneutic Translation Theory. available at: <http://ricoeur.pitt.edu/ojs/index.php/ricoeur/article/viewFile/281/143> (Februar 13.17). P. 22.
- Cercel L., Stolze R., Stanley J.* Hermeneutics as a Research Paradigm. available at: https://www.academia.edu/18747193/Hermeneutics_as_a_Research_Paradigm (Februar 12.17). P. 17–40.

Eduard N. Mishkurov,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
e-mail: e.mishkurov@mail.ru

HERMENEUTICAL METHODOLOGICAL STANDARD OF TRANSLATION IN THE MIRROR OF TRANSDISCIPLINARITY (Part III: interpretation)

In this article, the hermeneutic-phenomenological aspects of translational interpretation are examined in the light of the transdisciplinary approach within the framework of the four-step Hermeneutic-translation methodological standard that includes the

stages of pre-understanding, understanding, interpretation and translation decision in contrast to the philosophico-hermeneutical practice of interpreting monolingual texts in mutually intersecting and interchangeable types of reflection, namely, understanding and interpretation. It is postulated that a translator is always an interpreter, but interpretation is not yet translation. It is verified as the penultimate stage of the translator's overcoming of the original cognitive-cultural, ethnopsycholinguistic and system-structural originality of the text and the choice of the strategy of foreignization/domestication of the re-expression of the author's text, search of variants of functionally relevant translation correspondences and ways of overcoming untranslatability. Attention is focused on the postulate of mandatory boundaries and the limits of translation interpretation and the translator's careful attitude to the source. A translator is not a co-author, but only an interpreter of the author's work.

Key words: Hermeneutic-translation methodological standard; pre-understanding; understanding; interpretation, the limits of interpretation; translation decision; subscript translation; transdisciplinary approach.

References

- Avtonomova N.S.* Interpretacija i perevod – sovremennye problemy jepistemologii [Interpretation and translation – modern problems of an epistemologiya]. Filosofija poznanija. K jubileju L.A. Mikeshinoj: sb. st. Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. P. 112–121 (in Russian).
- Avtonomova N.S.* Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka [Knowledge and translation. Experiences of philosophy of language]. Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija ROSSPJeN, 2008. 704 p. (in Russian).
- Avtonomova N.S.* Otkrytaja struktura: Jakobson – Bahtin – Lotman – Gasparov [Open structure: Jakobson-Bakhtin-Lotman-Gasparov]. N.S. Avtonomova. Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009. 503 p. (Rossijskie Propilei) (in Russian).
- Ajrapetjan V.* Tolkuja slovo: Opyt germenevtiki po-russki [Interpreting a word: Experience of hermeneutics in Russian]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2011. 672 p. (in Russian).
- Arapov A.V.* Dve paradigmy v protestantskoj biblejskoj germenevtike [Two paradigms in Protestant Bible hermeneutics]. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_10746.html (March 25.17). 5 p. (in Russian)
- Ben'jamin V.* Zadachi perevodchika. [Translator tasks]. Available at: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (Januar 07.18). P. 9 (in Russian).
- Cercel L., Stolze R., Stanley J.* Hermeneutics as a Research Paradigm. available at: https://www.academia.edu/18747193/Hermeneutics_as_a_Research_Paradigm (Februar 12.17). P. 17–40.
- Cercel L., Serban A.* Friedrich Schleiermacher and the question of translation. U available at: <https://books.google.ru/books?id=eSyCCgAAQBAJ&pg=PT6&hl=ru&source=2#v=onepage&q&f=true> (Februar 13.17). P. 273.
- Dem'jankov V.Z.* Interpretacija kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki. [Interpretation as an instrument and as an object of linguistics] available at: <http://www.infolex.ru/Interpret.html> (Juni 28.17)/ P. 12 (in Russian).

- “Družba narodov”. Pervye polveka (1939–1989) Prolog [“Friendship of Peoples”. The first half-century (1939–1989) Prologue]. available at: <http://xn--80aabggdk2dkbof7a.com/druzha-narodov> (Januar 27.2016). P. 1–3 (in Russian).
- Ermolovich D.I., Krasavina T.M.* Novyj bol’shoj russko-anglijskij slovar’ [New big Russian-English dictionary]. Pod obshhim rukovodstvom D.I. Ermolovicha, 2-e izd. Moscow: Russkij jazyk – Media, 2006. 1098 p. (in Russian).
- Forster Michael N.* The Revolution in Philosophy of Language, Hermeneutics, Translation Theory, and Linguistics at the End of the Eighteenth Century and the Beginning of the Nineteenth available at: http://edebiyat.istanbul.edu.tr/?p=35817&upm_export=print
- Forster Michael N.* Hermeneutics. Available at: <http://philosophy.uchicago.edu/faculty/files/forster/HERM.pdf>
- Gadamer G.-G.* Aktual’nost’ prekrasnogo [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 367 p. (in Russian).
- Gadamer H.-G.* Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
- Garbovskij N.K.* Teorija perevoda: Uchebnik [Translation theory: Textbook]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 544 p. (in Russian).
- Germenevtika. BSJe izd. 3 [Hermeneutics]. Moscow: «Sovetskaja jenciklopedija», 1971. Vol. 6. P. 420 (in Russian).
- Gyde Hansen.* The Empirical Science Paradigm and the Liberal Arts Paradigm in Translation Studies. available at: http://www.est-translationstudies.org/resources/research_issues/081229%5B3%5D.ESP%20and%20LAP%20in%20TS.GY.htm (Februar 14.17) P. 2.
- Hyun-Sook Kim.* The Hermeneutical-Praxis Paradigm and Practical Theology available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00344080701657873?journalCode=urea20> (Februar 13.17). P. 2.
- Ivanov N.V.* Dihotomii perevoda (k ontologicheskim osnovanijam opredelenija nauchnogo objekta perevodovedenija) [Translation dichotomies (to the ontologic bases of definition of a scientific object of theory of translation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 4. P. 34–64 (in Russian).
- Ivanov N.V.* Pjat’ aspektov prirody perevoda [Five aspects of the nature of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2017. No. 2. P. 20–48 (in Russian).
- Intepretacija (metodologija) [Interpretation (methodology)], available at: <https://ru.wikipedia.org/> (Juli 26.2017). P. 1–6 (in Russian).
- Kamchatnov A.M.* Istorija i germenevtika slavjanskoj Biblii [History and hermeneutics of the Slavonic Bible]. Moscow: Nauka, 1998. 223 p. (in Russian).
- Komissarov V.N.* Opozicija “bukval’nyj” i “svobodnyj (vol’nyj)” perevod v sovremennom perevodovedenii [Opposition “verbal” and “free (paraphrastic)” translation in modern translation studies]. *Tetradi perevodchika. Vyp. 25*. Moscow: MGLU, 2005. P. 7–19 (in Russian).
- Ladmiral J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Gallimard, 1994.

- Ladmiral J.-R.* Traduire Éléments de traduction philosophique available at: http://www.persee.fr/docAsPDF/lfr_0023-8368_1981_num_51_1_5095.pdf (Juli 26.17). P. 19–34.
- Mishkurov E.N.* «Germenevticheskij povorot» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda [“Hermeneutical turn” in the modern theory and methodology of the translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda.* 2013. No. 1. P. 77–90; No. 2, pp. 3–41; No. 3, pp. 3–29; 2014. No. 1, pp. 14–29; No. 3, pp. 24–46 (in Russian).
- Mishkurov E.N.* Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti [Hermeneutical methodological standard of translation in the mirror of transdisciplinarity] (chast’ I, II). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda.* 2015. No. 2, P. 17–37; 2017. No. 4. P. 21–57 (in Russian).
- Nabokov V.V.* Otvet moim kritikam [Reply to my critics]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/otvet-moim-kritikam.htm> (Dezember 20.17a). 9 p. (in Russian).
- Nabokov V.V.* Kommentarij k romanu “Evgenij Onegin” [Commentary on the novel “Eugene Onegin”] available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/predislovie.htm> (Dezember 20.17b). P. 3 (in Russian).
- Novejšij filozofskij slovar’. Postmodernizm [The newest philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk: Sovremennij literator, 2007. 816 p. (in Russian).
- Nosik B.M.* Mir i Dar Vladimira Nabokova [The World and Talent of Vladimir Nabokov]. Moscow: Penaty, 1995. 133 p. (in Russian).
- Nurpeisov A.* Dolg: Roman. Jesse [Duty: Roman. Essay]. Moscow: Izvestija, 1988. 496 p. (in Russian).
- Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didakticheskie aspekty [Training of the translator: communicative and didactic aspects]: koll. monografija. 3-e izd. ster. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. 304 p. (in Russian)
- Potebnja A.A.* Psihologija pojeticheskogo i prozaicheskogo myshlenija [Psychology of poetic and prose thinking] / Hrestomatija po istorii ruskogo jazykoznanija. Moscow: Vyssh. shk., 1973. 502 p. (in Russian).
- Pushkin A.C.* Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. Vol. 12 [Complete works in 17 volumes Vol. 12.]. Moscow: Voskresen’e, 1996. 588 p., s il. (in Russian).
- Rezvan E.A.* Koran i ego mir [The Qur’an and its world]. Sankt-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. 601 p. (in Russian).
- Ricœur P.* Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris, Bayard, 2004. 68 p.
- Ricœur’s Extended Hermeneutic Translation Theory. available at: <http://ricoeur.pitt.edu/ojs/index.php/ricoeur/article/viewFile/281/143> (Februar 13.17). P. 22.
- Samohina I.A.* Interpretacionnyj potencial kul’turno-istoricheskijh realij v raznyh vidah perevoda hudozhestvennogo teksta [Interpretative potential of cultural and historical realities in different types of the translation of the art text]. Extended abstract of candidate’s thesis filol. nauk (Tver’), 2012. 167 p. (in Russian).
- Sorokin Ju.A.* Interpretativnaja ili dejatel’nostnaja teorija perevoda [Interpretative or activity theory of translation] available at: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html (June 21.13) (in Russian).

- Shul'ga E.N.* Ponimanija i interpretacija [Understanding and Interpreting]. Moscow: Nauka, 2008. 318 p. (in Russian).
- Toper P.* Perevod i literatura: Tvorčeskaja ličnost' perevodčika [Translation and literature: Creative person of the translator]. *Voprosy literatury, nojabr'-dekabr'*. Moscow: 1998. P. 178–199 (in Russian).
- Transforming the Language: Translation as Exile And Hermeneutic Dialogue. available at: <http://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-07222005-140446/unrestricted/MAtthesis.pdf> (Februar 14.17). P. 36.
- Vojnikanis E.A.* Problema soznaniya v filosofii pozdnego Vitgenshtejna i sovremennoe pravovoe myshlenie [The problem of consciousness in the philosophy of the late Wittgenstein and modern law thinking]. *Filosofija soznaniya: istorija i sovremennost'*: Materialy nauk. konf., posvjashhennoj pamjati professora MGU A.F. Grjaznova (1948–2001). Moscow: Sovremennye tetradi, 2003. P. 339–352 (in Russian).
- Jeko U.* Neogranichennyj semiozis i predely interpretacii [Unlimited semiosis and limits of interpretation] available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/1006462/15/Usmanova_-_Umberto_Eko_paradoksy_interpretacii.html 2017. P. 4 (in Russian).
- Jeko Umberto.* Poiski sovershennogo jazyka v evropejskoj kul'ture. Serija "Stranovlenie Evropy" [The search for a perfect language in European culture]. Per. s ital. i primechanija A. Miroljubovoj. Sankt-Petersburg: "Aleksandrija", 2007. 423 p. (in Russian).
- Jarkova E.N.* Istorija i metodologija juridicheskoj nauki [History and methodology of jurisprudence]. Tjumen': Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. 352 p. (in Russian).
- John Benjamin.* Handbook of translation studies. Volume 1. Edited by Yves Gambier, Luc van Doorslaer. Available at: <https://books.google.ru/books?id=BTwzAAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=true> (Februar 14.17). P. 458.
- Zimnjaja I.A.* Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti [Lingvo-psychology of speech activity]. 432 p. (in Russian).